

Olga I. Pashkevich,
Assistant professor;
Yakutsk Institute of Water Transport of
Novosibirsk State Academy of Water Transport

Features of the Space and Time National Perception (based on the literature of the peoples of the North) [Olga I. Pashkevich]

Key words: national world perception; time and space

Annotation: Article concerns the peculiarities of space and time perception of peoples of the North. Content of art works allow us to trace the impact on the process of perception of climatic and geographical conditions as well as the cultural environment. In the work of writers, representatives of the peoples of the North, there are reflected names of measures of length and time.

Национальное мировосприятие тесно связано с такими важными категориями, как пространство и время. Под восприятием в психологии понимается «целостное отражение предметов и явлений объективного мира при их непосредственном воздействии в данный момент на органы чувств» [1]. Исследователями установлено влияние на восприятие культурной среды и окружающего мира. Например, смена времён года накладывает отпечаток на виды трудовой деятельности народов, на поведение.

Якутские писатели в картинах природы подчёркивают её первозданность, необъятность просторов тайги и тундры. «Непролазная чаща поглотила молодых бойцов. В этих зарослях лиственницы и ольшаника, среди валёжника редко, редко ступала человеческая нога» [2] или «Который уже час шагали они в белом сумраке ночи, надеясь набрести на жильё, но ни один дымок балагана не поднимался над снежным океаном» [3].

Экстремальные природные условия Севера, оторванность человеческих жилищ друг от друга формировали национальный менталитет, особые правила человеческого общежития. Так, герои рассказа Софрона Данилова «Двое» оказались в сложной ситуации: охотник Байбаас во время свирепой пурги совершенно случайно находит в тундре обгоревшего и замерзающего тракториста Мехеса Калиновского, парня из Белоруссии и делает всё для его спасения.

Автор описывает тундру как огромное «прекрасное» и «величественное» пространство. Кругом снег «белый, как лебединое крыло». Пространство и время слиты воедино: «Едешь на нарте день, едешь два, десять, двадцать дней, и нет ей конца и края» [4]. Но меткий охотник, настоящий хозяин тундры Байбаас, даже в такую пургу, в условиях полного бездорожья находит дорогу к людям. Писатель показывает, что

сама природа формирует людей мужественными и трудолюбивыми, а без этих качеств в условиях Севера не прожить.

В рассказе даются контрастные описания тундры: тундра в дни ненастья и залитая солнцем. Как меняются оттенки снега при освещении северным солнцем, так изменяются и чувства в душе старого Байбааса. Суровой погоде он противопоставляет смелость, решительность, стойкость и рассудительность северного человека. Север требует от людей готовности прийти на помощь: «Так мог погибнуть человек. Один. Но тундра – это двое». Таким образом, в центре внимания писателя оказалось не само действие на суровом фоне природы, а психологическое состояние людей в тяжёлых жизненных обстоятельствах, в которых и раскрылись основные гражданские и нравственные качества героев. По мнению Д.Е. Васильевой, «весьма колоритен пейзаж, задающий тон всему рассказу. Бескрайняя белая тундра, злая пурга являются великолепным фоном, где разыгрывается полная драматизма борьба двух людей за жизнь» [5].

Расстояние у народа саха измерялось в кесах. Валентина Гаврильева пишет, что «по нынешним меркам кес составляет примерно десять километров» [6]. А у русского поэта Николая Глазкова кесу посвящены следующие строки:

Кес – якутская мера длины,
Для больших расстояний страны
Девяти километрам равна,
Чрезвычайно удобна она [7].

Но, как свидетельствует зарисовка Софрона Данилова «В прошлом году и нынче», в тундре такое измерение становится относительным. Хозяин юрты сообщает автору, что до колхоза «Красный оленевод» в прошлом году было шесть кес, а нынче может уже восемь, потому что в прошлом году собаки были в теле, а в этом году – тощие. Следовательно, мерой расстояния в безграничной тундре, которую никто не измерял метровой, являются «собачьи ноги, сила – резвость наших четвероногих друзей».

Из-за больших расстояний якуты гостили друг у друга подолгу, так как отправляться в такую дальнюю дорогу, чтобы посидеть один – два часа, не было смысла. Новости распространялись от соседа к соседу, часто доходили в совершенно искажённом виде. Пример из романа Н. Мординова «Весенняя пора» - яркое свидетельство этому: «Проехать на тот берег из Дулгалаха можно только зимой, когда реку сковывает лёд. Но и в эту пору всякая весть доходит до Дулгалаха с большим опозданием, и к тому же неузнаваемо изменяясь в пути» [8].

Радость от встречи с прекрасной бескрайней тундрой, от свежего вольного ветра и быстрого бега оленей испытывают герои романа «Конец вечной мерзлоты» чукотского писателя Юрия Рытхэу. Так, Армагиргин жалеет людей, «добровольно избравших такую страшную, непонятную жизнь в душных каменных мешках» [9]. А Тымнэро, проходя мимо сумеречного дома (тюрьмы), всегда ускорял шаг: наказание лишением свободы кажется ему самым невыносимым. Он знал, как приходилось в неволе зверю, а каково подобное положение для человека Тымнэро и представить страшно.

Ограничение свободы, замкнутое пространство травмируют детскую психику Анатолия (повесть эвенкийской писательницы Г. Кэптукэ «Рэкет по-тунгусски») [10]. В школе Анатолий ощущал себя то охотничьей собакой, посаженной на привязь, то оленем, загнанным в кораль. Даже в его снах интернат принимает вид загона для оленей, и неудивительно, поскольку всё его личное пространство составляла кровать, на которой дозволялось лежать только в определённое время, потому семиклассник и бежит на простор, на свободу, в дорогую сердцу тайгу, к милым оленям.

Как оленей в стадо, так и оленеводов загоняют в колхоз, заставляют жить в посёлке, где дома построили русские плотники (повесть «Имеющая свое имя, Желтула-река») [11]. Георгий Гачев пишет, что «это противоестественно – скученность в тайге; тут пристало напротив: разрежено кочевать семьям-родам. А в посёлке они – как на коротком замыкании: привыкшие редко друг друга видеть, теперь неотвязно глазают – и злоба, и ссоры, драки, и водка, и обман-доносы» [12]. И Анатолий испытывает подобное чувство. Приезжая в посёлок, он меняется духовно и попадает во всякие неприятности, а в тайге у него уходят злость на мир и на людей.

Время тоже носит национальную окраску. Т. Ефимова, исследуя восточные реминисценции в творчестве Н. Неустроева, отметила следующую закономерность: «Смена времён года, можно сказать, та призма, сквозь которую герой видит мир, созерцает тайну бытия сущего. Чередование времён года не столько излюбленная тема на Востоке, сколько принцип художественного видения, организующий произведение» [13]. Например, в «Весенней поре» Н. Мординова проявилась такая особенность литературы народов Севера: сменяются времена года, происходят изменения в природе, которые влекут изменение деятельности людей. Отчего происходят подобные изменения, повествует бабушка Дарья из семьи Эрделиров. Она одаривает людей сказками, прибаутками, пословицами, рассказывает историю о том, почему долго длится суровая зима и так коротко лето. У народа саха есть представление о быке Зимы. Когда приближается весна, говорят, что сегодня отломился первый рог у быка Зимы, потом отлетает голова, а когда рухнет туловище, наступают весна.

Пожалуй, только в произведении Н. Мординова мы встречаем такое подробное описание устройства якутского календаря, исправления в котором делает Никитка, а бабушка Дарья указывает ему, как и что делать.

Интересно, что понятие «кес» применимо было не только к измерению расстояния, но и времени. Это отражает следующий пример: «Авдотья совсем не спала эту ночь. Если и придремала, то не больше трёх кес». (Примечание: кес – время, потребное на варку мяса в котле. Равно примерно одному часу) [14].

В произведениях якутских писателей широко представлено описание времён года и того, как влияет природа на состояние людей. Если зимой «медленно тянутся сумрачные короткие дни. Словно свинцом налиты скукой долгие вечера и бесконечно беспмятно-сонливые ночи» [15], то с наступлением тепла картина меняется: «Окружённый берёзами алас, куда на лето переселились Киргеляй с семьёй, Яким с Юрюной и ещё два семейства, звенел от ребячьего гомона, мычания коров...» [16]. Ритмичная упорядоченность природных циклов, чередование времён года, дня и ночи осознавались как главный закон жизни вообще, в том числе органично включённого в

природное окружение человека. В национальном сознании восточного человека замкнутость природного годового цикла, дававшая человеку ощущение упорядоченности бытия, устанавливала циклическую концепцию времени, где не было начала и конца, но был повтор, возврат, что определяло принципиальный традиционализм восточной культуры.

Для якутов, занимающихся скотоводством, были характерны перекочёвки на зимние и летние стойбища. Чукчи в начале лета сменяли зимний полог на летний и убрали зимнюю одежду до следующих холодов. У нивхов, согласно произведениям В. Санги, год был строго разбит на сезоны. Это были сезон лова горбуши, заготовки юколы, потом кеты, сезон охоты на соболя и морского зверя. Также было два жилища: тул-во – зимнее стойбище, кэт-во – летнее.

Время у нивхов измеряется анями, год равняется двум аням.

Отношение ко времени передаёт и психическое состояние героев. Показывая сложную работу пастуха-оленевода, Улуру Адо сравнивает сутки с бесконечной северной равниной: «И кажется, что каюр – вечно молодое остроглазое солнце, заснул в пути» [17].

Присутствует в произведениях и представление о времени как о главном судье: «Подожди, сынок. Время всё поставит на свои места. Время – то оно главный судья...» [18] и как о лучшем враче. Если русские говорят, что время лечит, то «у якутов другое присловье: бывшее закрывается облаком» [19].

Как справедливо отмечает Н.Е. Ястребова: «Человек не рождается с «чувством пространства», его временные и пространственные понятия всегда определены той культурой, к которой он принадлежит» [20].

Следовательно, образ мира, созданный в литературе народов Севера, характеризуется такими понятиями, как пространство и время: устремлённостью вперёд, в будущее, и назад, в прошлое.

References:

1. *Stolyarenko L.D ., StolyarenkoV.E. Psychology and pedagogy for technical colleges. Rostov n / D : "Phoenix ", 2004. - p. 63.*
2. *Erilik Eristin. Marykchana youth. Moscow: Sovremennik, 1974. - p. 96.*
3. *Bootur marshes. Awakening. Part 2. Moscow: Sovremennik, 1984. - p. 69.*
4. *Danilov S.P. Larch. Moscow, 1978. - p. 171.*
5. *Vasilyeva D.E. Art world Sophron Danilova: specificity of socio- psychological prose. Yakutsk Bichik 2012. - p. 27.*
6. *Gavrilyeva B. Little stories. - M.: Sovremennik, 1987. - p. 28.*
7. *Ryzhov S. Choron poet // Polaris. 1984. Number 6. p. 99.*
8. *Mordinov N. Springtime. Sov. Russia, 1978. - p. 14.*
9. *Rytkeu Yu. End permafrost. Moscow: Sovremennik, 1977. - p. 10.*
10. *Keptuke G.Reket by Tunguska // Polaris. - 1990. Number 3. - p. 14-45.*
11. *Keptuke G. Having their name Dzheltula River. Yakutsk: Vol. Publishing House, 1989.*
12. *Gachev G.D .Tale evenkini // Gulls. - 1991. Number 1. - p. 61.*
13. *Efimova T. Circle of Life (Oriental reminiscences in creativity N. Neustroeva // Polari . - 1999 . Number 3 . - p. 88.*
14. *Bootur marshes. Awakening. Moscow: Sovremennik, 1978. - p. 43.*
15. *Bootur marshes. Awakening. Moscow: Sovremennik, 1978. - p. 168.*
16. *Bootur marshes. Awakening. Moscow: Sovremennik, 1978. - p. 209.*

17. *Uluro Ado, Kurilov S. Yukaghir fires. Yakutsk: Vol. Publishing House, 1965. - p. 27.*
18. *Syromyatnikova A. The road of lif . Yakutsk: Vol. Publishing House 199 . - p. 13.*
19. *Gavrilyeva B. Little stories. Moscow: Sovremennik, 1987. - p. 11.*
20. *Yastrebova N.E. National features of the concepts of "space" and "time" // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Theory and practice. 2011. Number 8: Part I. - p. 219.*